

© 1999 г.

Е.С. БАЛАБАНОВА

АНДЕКЛАСС: ПОНЯТИЕ И МЕСТО В ОБЩЕСТВЕ

БАЛАБАНОВА Евгения Сергеевна - кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета.

"Underclass" - понятие относительно новое для социологии и социальной работы. Оно было введено в оборот в конце 60-х годов в США и Великобритании для обозначения самых низших, выброшенных из общества слоев, и пришло на смену понятиям "пауперы", "люмпен-пролетариат", "неприличные бедные". В англоязычной литературе нет ни его строгого определения, ни единства мнений относительно количественных характеристик андекласса.

Для операционализации понятия в данной работе предлагается понимание андекласса как состоящего главным образом из "пассивных бедных" - безработных, длительное время получающих социальные пособия по программам социального обеспечения - Welfare (эти пособия - основной или единственный источник средств к существованию, не спасающий от бедности, но обеспечивающий минимальный социально приемлемый уровень жизни), не искавших или переставших искать работу. В литературе встречаются и более широкие толкования андекласса, к которому относят и такие традиционно маргинальные слои, как нищие, бездомные, алкоголики, наркоманы, душевнобольные, преступные элементы, а также занятых в теневой экономике [1]. Однако в основной массе литературы, посвященной андеклассу (как элементу социальной структуры и как социальной проблеме), можно выделить его следующие принципиальные характеристики: бедность; экономическую зависимость от государства; исключение (добровольное или принудительное) из рынка труда; исключение из доминирующей культуры. Маргинальные слои часто отвечают этим характеристикам, но либо не являются бедными и зависимыми от государства, либо объективно не способны к участию на рынке труда. Для понимания андекласса особенно интересны трудоспособные люди, имеющие возможности себя обеспечить, но по разным (объективным или субъективным) причинам не использующие их и демонстрирующие несоответствие экономическим и культурно-нормативным условиям жизни современного западного общества.

Для анализа положения андекласса в социальной структуре правомерно использовать два типа стратификационных систем: социально-классовую и культурно-нормативную. Первая позволяет рассмотреть данную группу относительно других по размерам и структуре доходов, уровню личного материального благосостояния ее членов, степени организованности и участия в основных институтах общества, с точки

3 Социологические исследования, № 12

зрения привилегированности либо депривированности. Во втором случае андекласс рассматривается как социальный слой со своей особой культурно-нормативной системой. "Культура бедности" часто изучается в западной литературе как самостоятельная величина и считается главной отличительной чертой андекласса и основным фактором сохранения и воспроизводства бедности.

Место андекласса в социально-классовой стратификации

Андеккласс часто называют синонимом бедности, причем бедности "неприличной". Это люди с самым низким в обществе уровнем материального благосостояния; они неспособны обеспечить себя достаточными средствами к существованию и целиком зависят от различных государственных пособий ("Помощь неполным семьям с детьми", "Медикайд", "Программа продовольственных талонов" и т.д.). Важно, что эти пособия объединены в государственные благотворительные программы по поддержанию дохода - Public Assistance, в отличие от программ социального страхования (Social Security), пособия по которым считаются заработанными их получателями и поэтому не несут негативной моральной нагрузки "зависимости".

Жизнь на государственные пособия не спасает от бедности. Кроме них, в структуре доходов андекласса имеются случайные заработки (важно, что занятость носит кратковременный характер), а также нелегальные доходы, полученные от участия в преступной деятельности и теневой экономике. Дополнительные доходы носят характер "теневых", недекларируемых, поскольку существует жесткая привязка уровня дохода и наличия оплачиваемой занятости к праву на получение пособия.

По социально-профессиональному составу андекласс в основе своей - длительно безработные, не имеющие специальности или низкоквалифицированные рабочие, не востребованные на рынке труда. Для них характерен низкий уровень образования, связанный с недоступностью престижных учебных заведений и отсутствием мотивации к получению образования, обусловленным культурными причинами.

Специфичен расово-этнический состав андекласса. Часто его называют "феноменом черных". По оценке Ф. Леви, 70% категории "постоянно бедных" в США - составляют представители этнических и расовых меньшинств [1, p. 27]. Возможно, причина не столько в принадлежности к той или иной расе, сколько в традиционно складывающейся территориально-пространственной сегрегации. Перетекание обеспеченного населения в пригороды и соответствующие территориальные перемещения рабочих мест приводят к тому, что "черные" и латиноамериканцы оказываются "запертыми" в неблагоприятных секторах экономики и гетто крупных городов.

По данным того же автора, половину численности андекласса составляют члены семей, возглавляемых женщинами. Другие исследователи считают, что удельный вес этой категории в группе неработающих долговременных получателей пособий еще выше. Процесс кризиса семьи как социального института особенно ярко наблюдается в низших слоях общества. Рост мужской безработицы и наличие права для одинокой женщины с детьми на получение пособия (Aid to Families with Dependent Children - AFDC) оказывают влияние на высокий уровень разводов в бедных семьях. Часто мать-одиночка даже при желании работать "потеряна" для рынка труда: во-первых, спрос на неквалифицированный труд очень ограничен; во-вторых, ценность одинокой матери как работника невысока. Ей часто недоступна работа на полный рабочий день, что еще больше усугубляется неразвитостью государственной сети дневного ухода за детьми [2, p. 121-123]. Поэтому семьи матерей-одиночек часто оказываются в "порочном круге бедности" и зависимости от государственной благотворительности. Это явление получило название "феминизации бедности". К. Аулетта приводит данные, согласно которым в США из семей, возглавляемых женщинами, бедна каждая третья семья, в то время как среди полных семей бедна каждая девятнадцатая [1, p. 43].

С точки зрения положения во властной структуре общества и степени организованности андекласс представляется аморфным, отчужденным от основных социальных институтов, социально пассивным образованием.

Гетерогенность андекласса, отсутствие профессии и образования у большинства его членов, адаптация к жизни в условиях бедности, социальная пассивность - причины неорганизованности этой группы в профсоюзы, политические партии и общественные организации. Вместе с тем, данные представители андекласса - благодатная почва для организации уличных беспорядков и насильственных действий. В этом отношении андекласс считают преемником "пролетарского охлоса" — люмпен-пролетариата начала XX в. [3, р. 291]. Поэтому данный слой представляется социально опасным, и основное функциональное назначение нынешних государственных пособий - материальная поддержка в обмен на лояльность, недопущение острых социальных конфликтов. По сути это не что иное, как политика государственного патернализма, которая неизбежно налагает на получателя помощи ограничения его индивидуальной свободы и стигматизует его как "иждивенца".

По своему положению в обществе андекласс можно характеризовать как "вдвойне депривированный". Он не только не обладает материальными или культурными "капиталами", способными приносить дивиденды, но и лишен возможности продавать свой труд. По словам К. Аулетты, он неполноценен и экономически, и социально, т.е. не вплетен в структуру постиндустриального общества, а живет на его "излишки". Поэтому в основе своей андекласс одинаково далек как от среднего, так и от рабочего класса, что и отражается в его названии - группа, находящаяся за границами основных социальных классов, вне и в то же время в самом низу социальных иерархий. Поэтому неправомерны, на наш взгляд, попытки перевести на русский язык данный термин как "низший класс", "бедные", "подкласс", "нищие", "социальное дно".

Андеккласс в культурно-нормативной стратификации

Андеккласс недостаточно понимать лишь в терминах социально-классовой дифференциации. Не все бедные входят в андекласс: бедность сама по себе - еще не повод для отторжения или изоляции от общества. То же можно сказать и про неполные семьи, и про временно безработных.

Напомним, что культурно-нормативная дифференциация "построена на различиях уважения и престижа, возникающих из сравнения образов жизни и норм поведения, которым следует данный человек или группа" [4, с. 55]. В данном случае главный аргумент выделения андекласса в отдельный социальный слой - утверждение, что жизнь в постоянной бедности порождает определенную культуру, облегчающую адаптацию к ущербным условиям существования. Ее характеризуют низкий уровень запросов, недостижимые ценности, иждивенчество, безответственность, беспомощность, лень и асоциальные способы поведения. Такие устойчивые формы социального взаимодействия не только удерживают их носителей в постоянной бедности, но и ограничивают вертикальную мобильность последующих поколений. Эта культура получила название "субкультуры бедности", наиболее полно описанной в работах автора этого термина О. Льюиса [см.: 5]. Она одновременно выступает и следствием, и причиной бедности: являясь продуктом объективных материальных условий существования, "культура бедности" одновременно играет активную роль в конструировании социальной реальности.

Традиционно грань между просто бедными и пауперами, "приличными" и "неприличными" бедными, а позднее между низшими слоями и андеклассом проходила по степени адаптации к условиям бедности. Пауперов, "неприличных бедных" и андекласс объединяет удовлетворенность своим положением, или во всяком случае, отсутствие попыток его изменить. С позиции активно-достижительских ориентаций нынешний андекласс мало отличается от профессиональных нищих. Частной благотворительности пришла на смену система государственных пособий.

Адаптация к ненормальным, с точки зрения среднего класса, условиям жизни предполагает не только смирение с данным от рождения социальным положением, но и рациональное оправдание своего поведения, следование определенным ценностям и

нормам. Культура бедности, или "культура гетто", имеет способность к самовоспроизводству. Главные агенты социализации ребенка - представители того же анпрививающие соответствующие модели поведения и образа жизни. Справедливости ради следует отметить, что такая взаимообусловленность бедности и культуры не является жесткой и универсальной. Так, Л. Моррис утверждает, что в Великобритании половина детей, родившихся в депривированных семьях, не повторяют образцов "депривированного" поведения в следующих поколениях. При этом не отрицается негативное влияние окружающей среды, к которому пришиваются и генетические факторы. Дискутируется вопрос, насколько сильны связи, удерживающие людей на социальном дне. Последние исследования показывают, что "потомственный" андекласс составляет относительно небольшую часть среди неработающего населения, получающего социальные пособия - около половины [6]. Однако именно эта небольшая часть и является головной болью общества и государства.

Отличительная черта стиля жизни андекласса - высокий уровень разводов, внебрачной (в том числе подростковой) рождаемости. Одни авторы склонны объяснять это упадком нравов, низким уровнем сексуальной и общей культуры, другие видят корень зла в системе государственной благотворительности, провоцирующей разрушение семей и поощряющей рождение детей незамужними женщинами.

Нередки случаи сознательных стратегий поведения представителей андекласса, целью которых является сохранение права на получение пособия. Чаще всего это рождение следующих детей незамужней матерью, получающей пособие, и отказ от возможностей трудоустройства в легальном секторе экономики. Подпольная или теневая занятость, сожительство "одиночкой" матери с мужчиной без оформления брака, мошенничество с пособиями - весьма распространенные явления, вызывающие справедливые негодования налогоплательщиков, считающих государственные программы помощи бедным слишком щедрыми и поощряющими иждивенчество.

Андеккласс в общественном мнении на Западе прочно заклеен ярлыками "бездельников", "джентльменов отдыха", "стесняющихся работы". Уже давно признано, что не только предоставление пособий, но и создание новых рабочих мест неспособно решить проблему: человек, отчаявшийся найти работу, деморализованный неудачами или никогда не хотевший работать, во многом потерян как работник именно вследствие культурных и психологических факторов. Безделье детренирует человека, развращает и накладывает отпечаток неудачника, что и характерно для долговременных получателей пособий. Неспособность самостоятельно себя обеспечить делает человека беспомощным, формирует "собесовскую ментальность" ("Welfare mentality") [1, р. 115-120] и заставляет чувствовать себя в униженном, ущемленном положении по сравнению с трудящейся частью общества. Парадокс, но сами получатели пособий это осознают и вменяют в вину системе социального обеспечения. Представление себя жертвой (обстоятельств, государства, людей и т.п.) и психологическая ущербность также характерны для андекласса. Уход от действительности через алкоголь и наркотики - формы девиантного поведения, усиливающие социальную изоляцию этого слоя. Следствие иждивенческой культуры - ориентация андекласса на сегодняшний день, неспособность к планированию своей жизни. Неразумная, нерациональная трата денег многими бедными - на азартные игры, алкоголь, наркотики и сигареты, предметы "роскоши" - давно замеченное явление.

Андеккласс и социальная политика:

главные направления перемен

Если мы обратимся к западному опыту, то увидим, что львиную долю забот о социальных аутсайдерах несет государство. В XIX - начале XX вв. борьба с бедностью и беспризорностью представляла собой репрессивные меры, создание рабочих

домов, тюремное заключение за нищенствование и проституцию, передачу попечительства о бедных и сиротах целиком в ведение церкви, частных благотворительных лиц и организаций, либо отказ от вмешательства государства в социальные отношения (принцип "laissez-faire"). Пройдя все этапы этой борьбы, развитые страны Запада не решили проблем бедности и социального неравенства. Постепенно пришло понимание необходимости активного государственного участия в судьбе депривированных членов общества.

Сегодня общепризнанно, что рыночные механизмы - крайне несовершенные регуляторы экономических и в особенности социальных процессов. Результаты правления консерваторов в США и Великобритании в начале 80-х годов, проявившиеся в усилении социального неравенства и обострении социальных проблем, подтвердили это. В настоящее время считается, что обществу дешевле и спокойнее оказывать помощь низам в виде денежных пособий, продовольственных талонов, медицинской помощи, предоставления дешевого муниципального жилья и др., чем создавать дополнительные рабочие места или бороться с правонарушениями.

Политика предоставления материальной помощи нуждающимся, обеспечение всем гражданам государства "достойной жизни" в течение нескольких последних десятилетий постоянно критикуется и общественным мнением, и специалистами в области социальной политики и социальной работы. Нормы цивилизованного общества требуют поддержания некоторого минимального уровня жизни всем гражданам, но налогоплательщики при этом вынуждены содержать армию неработающих трудоспособных людей, которых еще Мальтус называл "излишним населением". По некоторым оценкам, андекласс в США и Великобритании составляет сегодня около 5% населения [6, р. 33], и эти носители "культуры бедности" из поколения в поколение - нелегкое бремя для государства. Отмечается невероятная дороговизна программ Welfare, расходы на которые в Великобритании выросли до 1/4 ВВП в 1993 году [7].

На Западе уже пришли к пониманию того, что социальная политика Welfare не решает проблемы бедности, а вызывает численный рост андекласса и распространение "культуры зависимости". В настоящее время интенсивно ведутся поиски способов превратить андекласс из пассивных получателей пособий в людей, ответственных за себя и своих близких, способных самостоятельно обеспечивать себя трудовой деятельностью. Тема превращения государственно-зависимого человека в полноправного гражданина, трансформации редистрибутивного государства в инвестирующее ("из спасательного круга - в лодку для новых возможностей"), необходимости перехода от прямых социальных выплат к созданию возможностей для экономического роста семьи, концепция социальной политики "Do-It-Yourself" ("сделай-это-сам") - лейтмотив современных зарубежных публикаций об андеклассе [8].

Сегодня популярна идея о том, что один из возможных выходов из тупиковой ситуации с "иждивенчеством" андекласса - обязывать получателей пособий по бедности отрабатывать (например, 36 часов в неделю) на общественных работах. Это более справедливо в отношении основной массы налогоплательщиков, из чьего кармана финансируются социальные программы. По данным опросов Института Гэллага (весна 1992 г.), 88% американцев поддерживали законы, обязывающие получателей пособий по программам вспомоществования для малоимущих работать [9]. Общественные работы непрестижны, неприятны, но тем самым они заставляют получателя пособия оправдывать свое существование, приносить общественную пользу. Считается важным сделать получение пособий непривлекательным, не ставить человека перед выбором - работа или пособие. В этом суть появившегося в последние 20 лет понятия "Workfare" - требование к получателям пособий работать, активно искать работу или проходить профессиональную подготовку. В США этот принцип закреплен в Законе о поддержке семьи (Family Support Act, 1988 г.) в отношении одиноких матерей, чьи дети находятся в возрасте трех и более лет. Женщинам обеспечивается профподготовка и трудоустройство через программу "Job Opportunities & Basic Skills Training" (JOBS). Они получают пособия еще в течение года, пока проходят обучение

или уже трудоустроились. Цель программы - уменьшить экономическую зависимость от государства путем устройства матерей на работу.

Однако до сих пор в США и Великобритании попытки вернуть андекласс на рынок труда, заставить его трудиться, получить профессию не принесли сколько-нибудь ощутимого эффекта. Программы Workfare, рассчитанные на представителей андекласса, по общему признанию, "не работают", а их реализация требует еще больших затрат, чем простая выплата социальных пособий и субсидий. Проблема, как ни странно, не столько в "иждивенческой психологии" людей или в их нежелании работать, сколько в объективных препятствиях: дороговизне программ профессионального обучения и переподготовки, снижении потребности рынка в неквалифицированном труде, недостатке заведений для детей одиноких работающих матерей [10].

Сегодняшние неудачи западных программ по борьбе с бедностью и социальным иждивенчеством - лишнее свидетельство того, что в социальной политике, как и в политике вообще, не бывает простых решений. Пессимисты утверждают, что не получится заставить андекласс трудиться, и общество будет вынуждено поступиться принципами экономической эффективности и ценностями рыночного общества ради социальной стабильности: андекласс легче накормить, чем перевоспитать. Сегодня же с точки зрения минимизации государственных расходов "просачивание благ сверху вниз" - то есть перераспределение доходов от богатых к бедным - более реальная и дешевая альтернатива курсу создания рабочих мест для всех.

Опыт изучения андекласса как элемента социальной структуры развитых стран Запада позволяет сделать вывод о том, что социальная политика государства действует не только в рамках существующих отношений и социальных проблем определенных слоев населения. Государство своими действиями само активно конструирует социальную реальность, трансформируя существующие социальные группы, определяя их социальный статус, экономическое поведение и нормативно-ценностные установки. Однако, на наш взгляд, системе социальной защиты нельзя вменить в вину появление иждивенческих слоев, объединенных понятием андекласса. Основное функциональное предназначение социальной политики - не столько проведение в жизнь принципов социальной справедливости и ценностей доминирующей культуры, сколько обеспечение социального мира и социальной стабильности. С этой точки зрения на Западе она более или менее успешно выполняет свою роль, чего нельзя сказать о современной социальной политике российского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Auletta K.* The Underclass. N.Y.: Random House. P. XVI. 1982.
2. *Morris L.* Dangerous Classes. L. & N.Y.: Routledge. P. 121-123. 1994.
3. *Matza D.* The Disreputable Poor // Bendix R., Lipset S.M. (eds). Class, Status and Power: Social Stratification in Comparative Perspective. 2nd ed. N.Y.: Free Press. P. 291. 1966.
4. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 55.
5. *Ярошенко С.С.* Проблематика субкультуры бедности в американской социологии // Социологический журнал. 1994. №2.
6. *Heath A.* The Attitudes of the Underclass // Smith D.J. (ed.). Understanding the Underclass. 1992. P. 33.
7. *Wilson D., Wilson T.* Social Justice and the Reform of Social Security // Social Policy & Administration. Vol. 29. December. 1995. P. 336.
8. *Klein R., Millar J.* Do-It-Yourself Social Policy: Searching for a New Paradigm? // Social Policy & Administration. 1995. Vol. 29. December. P. 303; *Jones R.M.* The Price of Welfare Dependency: Children Pay // Social Work. 1995. Vol. 40. №4. July.
9. *Шведова Н.А.* Интеграция женщин в социально-политический процесс общества. Опыт США и Канады // Интеграция женщин в процесс общественного развития. М.: Луч, 1994. С. 150.
10. *Olike S.J.* The Proximate Context of Workfare and Work: A Framework for Studying Poor Women's Economic Choices // The Sociological Quarterly. 1995. Vol. 36. № 2. Spring. P. 251-264.